

А. А. Александров

МАТЕРИАЛЫ Д. И. ХАРМСА В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Даниил Иванович Хармс (настоящая фамилия Ювачев) принадлежал к поколению детских писателей, вступивших в литературу во второй половине 20-х годов (Б. Житков, А. Пантелеев, В. Бианки, Е. Шварц, А. Введенский, Н. Олейников, Т. Габбе и др.). Деятельность этих писателей была связана с работой ленинградского детского отдела ГИЗа, руководимого С. Маршаком, и с ленинградскими детскими журналами «Еж» (1928—1935) и «Чиж» (1930—1941). Ряд произведений Хармса, опубликованных в «Еже» и «Чиже» («Иван Иваныч Самовар», «Игра», «Миллион», «Иван Топорышкин», «Веселые чижы» (в соавторстве с Маршаком), «Ушел из дома человек», «Что это было?» и др.), вошли в классический фонд детской литературы.

«Этот талантливый поэт <...> обладал редкостным даром понимать ребенка и быть участником его веселой игры, — писали о наследии Хармса мастера советской детской литературы. — Умению писать для самых маленьких у Хармса могут поучиться многие авторы книг для детей. Радостное восприятие мира, причудливое воображение, способность играть словом — все эти свойства, присущие нашей поэзии для детей, в частности поэзии Д. Хармса, — так же необходимы для нормального роста ребенка, как витамины в пище».¹

¹ Маршак С., Михалков С., Чуковский К. В редакцию журнала «Крокодил». — В кн.: Маршак С. Собр. соч., т. 8. М., 1972, с. 531. О творчестве Даниила Хармса см.: Трещин В. О «смешной» поэзии. — Детская литература, 1939, № 9, с. 20—25; Чуковский К. От двух до пяти. — В кн.: Чуковский К. Собр. соч., т. 1. М., 1963, с. 718—719; Пантелеев Л. Из ленинградских записей. — Новый мир, 1965, № 5, с. 149; Халатов Н. Его звали — Даниил Хармс. — В кн.: Хармс Д. Что это было! М., 1967 (послесловие); Петровский М. Возвращение Даниила Хармса. — Новый мир, 1968, № 8, с. 258—260; Рахтанов И. «Еж» и «Чиж». — В кн.: Рахтанов И. Рассказы по

Одновременно с работой над детской книгой, а часто и в прямой связи с ней Хармс писал стихи, рассказы, диалоги для взрослого читателя.² В литературном наследии Хармса подобных произведений больше, чем написанных для детей, хотя не всегда можно провести отчетливую линию между «детским» и «взрослым»; художественные средства здесь часто сближены. Непосредственность и эксцентризм, с одной стороны, и своеобразная нравучительность, с другой, свойственные творчеству Хармса, содействовали свободному переходу от «детского» к «взрослому».

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся материалы, относящиеся к началу литературной деятельности Хармса — середины 20-х годов. Они входят в состав архива Ленинградского отделения Союза поэтов и бывшего рукописного собрания Государственного института истории искусств (ГИИИ); рукописи Хармса находятся и в числе отдельных поступлений.³

Даниил Иванович Хармс родился 17 (30) декабря 1905 г. в Петербурге.⁴ Сведения о его матери крайне скудны. Известно, что Надежда Ивановна Ювачева (урожд. Колюбакина) принадлежала к дворянской семье, проживавшей в Саратове. В Петербурге она служила в Убежище для женщин, отбывших тюремное наказание. Отец, Иван Павлович Ювачев (1860—1940), был человеком необычной судьбы. Сын дворцового полотера, он стал

памяти. Изд. 3-е, дополн. М., 1971, с. 109—144; Каверин В. Он любил удивлять. — В кн.: Каверин В. Собеседник. Воспоминания и портреты. М., 1973, с. 71—75; Семенов Б. Вы непременно полюбите его. — Костер, 1976, № 3, с. 56—58; Гор Г. Замедление времени. — В кн.: Гор Г. Волшебная дорога. Л., 1978, с. 163—202; Юдина М. В. Создание сборника песен Шуберта. — В кн.: Юдина М. В. Статьи, воспоминания, материалы. М., 1978, с. 269—271.

² Произведения этого рода при жизни писателя опубликованы в сборниках Ленинградского отделения Союза поэтов (по одному стихотворению) — «Собрание стихотворений» (Л., 1926) и «Костер» (Л., 1927). Дальнейшие публикации появились в изданиях: День поэзии. Л., 1965, с. 290—294; Литературная газета, 1967, № 47, 22 ноября; 1968, № 46, 13 ноября; 1970, № 27, 1 июля; 1973, № 31, 1 августа; 1974, № 49, 11 декабря; Русская литература, 1970, № 3, с. 156—157; Вопросы литературы, 1973, № 11, с. 296—304; Аврора, 1973, № 3, с. 77; 1974, № 7, с. 78; В мире книг, 1974, № 4, с. 95; Поэзия. Альманах, вып. 14. М., 1975, с. 285—286; Московский комсомолец, 1978, № 150, 30 июня; Литературная учеба, 1979, № 6, с. 229—232.

³ Рукописи, относящиеся к 30-м годам и предназначенные для детских журналов, переданы в дар Яковом Семеновичем Друскиным, на протяжении многих лет сохранявшим дружеские отношения с Д. И. Хармсом. Я. С. Друскин — преподаватель математики, переводчик, музыковед.

⁴ В «Краткой литературной энциклопедии» (т. 8. М., 1975, с. 226) дата рождения Хармса указана неверно: 12 января 1906 г., т. е. 30 декабря принято за дату старого стиля. В записной книжке И. П. Ювачева (хранится в частном собрании) читаем: «17/30 декабря <...> В 8 ч. пошел домой. Маша-служанка объявила, что родился сын в 6³/₄ утра <...> Пришел батюшка и стали решать вопрос, как назвать сына. Сообща решили назвать Даниилом. Во-1) сегодня память Даниила, 2) 12 дней тому назад в 6-м часу видел во сне его, 3) по пмени его „Суд божий“ можно назвать и свои личные страдания...».

моряком, вступил в военную организацию «Народной воли». В 1883 г. Ювачев был арестован. Он проходил по знаменитому процессу Веры Фигнер («процесс 14-ти») и был приговорен к 15 годам каторги. Около четырех лет Ювачев провел в одиночном заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. В 1887 г. его отправили на остров-тюрьму Сахалин. В 1895 г. Ювачев получил свободу. Возвратясь в Петербург в 1899 г., Ювачев, в прошлом моряк, автор ряда статей по метеорологии и геодезии, занялся литературной и общественно-религиозной деятельностью.⁵

Даниил Ювачев учился до 1922 г. в Главном немецком училище св. Петра (Петершule), преподавание в котором велось на иностранных языках. В 1922—1924 гг. он жил в Детском Селе, где и закончил 2-ю детскосельскую школу (бывш. Маринская гимназия).⁶ В 1924 г. Ювачев поступил в Ленинградский электротехникум, но через год ушел из него. В 1926 г. он занимался на киноотделении государственных курсов при ГИИИ, но также не закончил их.⁷

С 1925 г. (а возможно, и раньше) Ювачев начал выступать в клубах, библиотеках, учебных заведениях как чтец. Он читал (нередко с музыкальным сопровождением) стихи современных поэтов (Блок, Маяковский, Хлебников, Северянин). В 1925 г. он уже называл себя — Даниил Хармс.⁸

---

⁵ Из книг И. П. Ювачева известность получили: Восемь лет на Сахалине [издана под псевдонимом — И. П. Миролюбов]. СПб., 1901; Паломничество в Палестину к гробу господню. СПб., 1904; Шлиссельбургская крепость. М., 1907; Война и вера. Очерки всемирной войны (1914—1916). Пг., 1917. Об И. П. Ювачеве см.: Сахарова Е. М. Судьба революционера и ее отражение в творчестве Льва Толстого и Чехова. — В кн.: В творческой лаборатории Чехова. М., 1974, с. 162—180.

⁶ Об этом периоде жизни Хармса см.: Балашова С. Воспоминания о Данииле Хармсе. — Вперед, г. Пушкин, 1973, № 134, 13 ноября.

⁷ Ленинградский государственный архив литературы и искусства, ф. 3026, оп. 1, № 1446.

⁸ Даниил Хармс — псевдоним, чаще всего употреблявшийся Д. И. Ювачевым. Всего их было свыше десяти (Даниил Хармс, Даниэль Хаармсь, Ххармс, Даниил Дандан, Чармс, Гармониус, Иван Топорышкин. Хармс-Шардам, писатель Колпаков, Карл Иванович Шустерлинг). Многие из современников видели в основном псевдониме Ювачева — Даниил Хармс — своего рода визитную карточку «заумника»: псевдоним воспринимался ими как бессмысленное сочетание звуков. Иногда в англоязырованном псевдониме усматривали связь с именем Шерлока Холмса, знаменитого героя рассказов А. Конан-Дойля (см., например: Бахтерев И. Когда мы были молодыми. (Невыдуманный рассказ). — В кн.: Воспоминания о Заболоцком. М., 1977, с. 61). Со своей стороны выскажем предположение, что «Хармс-Шардам» образовано от английского charm или немецкого scharm (Ювачев владел этими языками). Оба слова означают «обаяние», «чары». Глагол от них — «очаровывать, околдовывать». Образ повелителя, властелина, колдуна часто встречается в произведениях Хармса 20-х годов. В его ранних записных книжках мелькают названия книг по магии, есть и выписки из них. Мы полагаем, что в своем псевдониме молодой поэт «закодировал» представление о чарошее, колдуне.

В 1926 г. Хармс был принят в члены Ленинградского отделения Союза поэтов. Он выступал с чтением стихов на вечерах Союза, печатался в его сборниках. В конце 1927 г. Д. Хармс вместе с И. В. Бахтеревым, А. И. Введенским, Н. А. Заболоцким и др. создал литературно-театральную группу Обэриу (Объединение реального искусства, «у» в этой аббревиатуре присоединено исключительно ради «заумности»). В коллективной декларации обэриутов заявлялось: «Только левый путь искусства выведет нас на дорогу новой пролетарской художественной культуры».⁹ В качестве ориентиров «левого пути» назывались живопись левых художников и недавно созданный театр И. Г. Терентьева. В декларации Обэриу о творчестве Хармса говорилось, что главное в нем — динамика, «столкновение ряда предметов», что действие в его стихах как бы «перелицовано на новый лад».¹⁰

В январе 1928 г. в Ленинградском Доме печати состоялся вечер Обэриу «Три левых часа» с постановкой одноактной пьесы Хармса «Елизавета Бам».¹¹ К обэриутам приходит известность в литературно-художественной среде Ленинграда. С. Я. Маршак, в то время фактически руководивший работой Ленинградского детского отдела ГИЗа, вовлекает их в работу над детской книгой. «Самое большее, чего я мог ждать от них, — вспоминал позднее Маршак, — это участие в создании тех перевертышей, скороговорок, припевов, которые так нужны в детской поэзии, но все они оказались способными на гораздо большее».¹² Стихи и рассказы Введенского, Заболоцкого, Хармса стали появляться на страницах только что возникшего журнала «Еж».

Литературно-концертные выступления обэриутов в театральных и клубных залах Ленинграда прекратились в 1930 г., после того как в молодежной газете «Смена» появилась выдержанная в ортодоксально рапповском духе статья против молодых поэтов.¹³

В 30-е годы имя Хармса встречается исключительно в детских изданиях, однако его работа для взрослых не прерывалась. В частности, в предвоенные годы им были созданы такие значительные вещи, как неизданная повесть «Старуха» (1939) и частично

В экстравагантном и загадочном спектакле для себя и окружающих, в театрализации своей жизни Хармс отводил большое место необыкновенному, чудесному, таинственно-всесильному.

⁹ См. декларацию «Обэриу» в журнале «Афиши Дома печати» (Л., 1928, № 2, с. 11). О выступлениях обэриутов см.: Бахтерев И. Когда мы были молодыми. (Невыдуманный рассказ), с. 55—85; Александров А. Обэриу. — *Ceskoslovenská rusistika*, 1968, № 5, s. 296—303.

¹⁰ Обэриу. — Афиши Дома печати, 1928, № 2, с. 12.

¹¹ О вечере см.: Лесная Л. Ытуеребо. — Красная газета (веч. вып.), 1928, № 24, 25 января.

¹² Письмо Маршака к А. В. Македонову от 20 декабря 1963 г., см.: Маршак С. Собр. соч., т. 8. М., 1972, с. 509.

¹³ См.: Смена, 1930, № 81, 9 апреля.

опубликованный цикл коротких рассказов и пьес «Случаи» (1933—1939).

Даниил Хармс умер в 1942 г. С начала 60-х годов его личность и творчество снова стали привлекать к себе общественное внимание.¹⁴

Из рукописей Хармса, находящихся в Пушкинском Доме, самые ранние датированы 1925 г.¹⁵ К этому времени относится и анкета Ленинградского отделения Союза поэтов, заполненная Хармсом 9 октября 1925 г.; к ней прилагались стихи.

Ленинградское отделение Всероссийского Союза поэтов было организовано в 1920 г., его первым председателем стал А. Блок. В истории этого необычного по своей специализации Союза были бурные дни, было и полное затишье, но правила вступления в Союз как во времена расцвета, так и упадка оставались теми же. О них говорил Блок в одном из своих выступлений: «Редакционная коллегия рассматривает книжку стихов не менее чем в 5 печатных листов; такая книжка считается явным профессиональным признаком, благодаря которому коллегия может быть более снисходительной к оценке. Если же книжки нет, то в редакционную коллегия представляется не менее 10 стихотворений, в рукописи или в печатном виде».¹⁶

Хармс заполнил анкету Союза поэтов и приложил к ней две тетради стихов. Анкета Хармса весьма любопытна, несмотря на немногословные и негативные ответы: «нет», «нет таких» «не знаю». Ее можно рассматривать не только как биографический документ, но и как художественный текст. Хармс, находившийся в постоянной готовности к литературной импровизации и театральной игре, из своих ответов и анкетных вопросов образовал забавный диалог.

Две тетради, представленные Хармсом в приемную комиссию Союза, имеют обычный школьный формат, по 12 листов в линейку. На фиолетовой обложке первой тетради написано рукой Хармса: «Даниил Ив. Хармс 1925 направление Взырь Зауми». На обложке второй: «Даниил Хармс 1925 направление Взырь Зауми» (ф. 491, дело 5).

---

¹⁴ Изданы сборники произведений Хармса для детей: Игра. М., 1962; Что это было? М., 1967 (составитель и автор послесловия Н. Халатов); Двенадцать поваров. М., 1972. Вышли также отдельные произведения Хармса: Веселые чижы. М., 1965 (повторено в 1966 г.); Иван Иванович Самовар. Л., 1973; Что это было? М., 1976. См. также: Слонимский С. Веселые песни для сопрано, флейты-пикколо, трубы и ударных. Партитура. Стихи Д. Хармса. Л., 1974; Гернет Н. В., Хармс Д. И. Принтирам. М., 1977.

¹⁵ За исключением шуточного стихотворения 1922 г. нам не пришлось встречать в государственных и частных собраниях более ранних произведений Д. Хармса.

¹⁶ Блок А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 6. М.—Л., 1962, с. 435.

Как видим, указанию своего «направления» молодой поэт придавал большое значение. В те годы Ленинградский Союз поэтов походил на шумный и разноязыкий уличный перекресток большого города. П. Тихонов, вспоминая порядки Союза, называл его «литературной Сечью».¹⁷ На открытых вечерах Союза, проходивших по пятницам, выступали «заумники и акмеисты, имажинисты и символисты, футуристы и пролетарцы, эмоционалисты и множество еще всяких „истов“».¹⁸ Творческое самоутверждение у молодых поэтов началось с выбора «направления», а то и с создания своей собственной «группы» или «школы». Хармс причислил себя к самому крайнему левому флангу Союза — к поэтам-«заумникам». Но тут же указал и на свою относительную самостоятельность, назвав себя в анкете «председателем Взорь Зауми».

Из ленинградских «заумников» наиболее известным был А. В. Туфанов.¹⁹ Своими ближайшими предшественниками он считал Елену Гуро, Велимира Хлебникова и Алексея Крученых. Туфанов утверждал, что заумная поэзия рождается «от жизненного порыва».²⁰ Годы войны, по его мнению, пробудили в человеке «идеал бродячей жизни и стремление уйти к недумующей природе»,²¹ — заумная поэзия является ответом на эти стремления. Она, как природа, есть движение и бесконечное развитие.

Хармс знал стихотворные опыты Туфанова и его «Основы заумного мироощущения».²² Более того, в 1925—1926 гг. он выступал вместе с Туфановым на литературных вечерах²³ и, без сомнения, немало перенял от своего старшего и эрудированного собрата по перу.²⁴

В двух тетрадах Хармса набело переписаны тексты следующих произведений: «От бабушки до Esther»,²⁵ «Наброски к поэме „Михаилы“», «Говор», «Землю, говорят, пзобрели конюхи», «Кюка и Кюка», «Тише целуются. . .», «Сек».

Из всех видов поэтического творчества первой половины XX в. поэзия «заумников», возможно, более других требовала чтения

¹⁷ Тихонов Н. Двойная радуга. М., 1964, с. 516.

¹⁸ Шварц А. На лекциях и собраниях. — Ленинград, 1925, № 25, с. 16.

¹⁹ А. В. Туфанов называл себя то «экспрессионистом», то «заумником». См.: Туфанов А. Слово об искусстве. — ИРЛИ, ф. 172, № 348. Первая часть этого манифеста повторяет отдельные положения вступительной статьи Н. Радлова к русскому переводу книги Г. Марцинского «Метод экспрессионизма в живописи» (Пб., 1923). Архив А. Туфанова хранится в ИРЛИ.

²⁰ Туфанов А. Заумие. — В кн.: Туфанов А. К Зауми. Пб., 1924, с. 7.

²¹ Там же, с. 8.

²² См.: Туфанов А. Ушкунники. Л., 1927, с. 5.

²³ См.: Штейман Э. Стихи и встречи. — Звезда, 1959, № 7, с. 185.

²⁴ Туфанов был старше Хармса на двадцать с лишним лет. В своих декларациях «Председатель Земного шара Зауми» (как иногда величал себя Туфанов) соединял теории Эйнштейна и Марра.

²⁵ Имя первой жены Хармса Эстер Русаковой, родившейся во Франции, в семье политэмигранта.

вслух. И, конечно, ее лучшими чтецами были сами авторы. В их исполнении прояснялись и ритм, и эмоциональный подтекст, и связь «заумных» элементов стиха. Тексты Хармса, записанные в тетради, также рассчитаны на произнесение вслух: во многих стихотворных строках автором расставлены акценты, отдельные слова разделены на слоги, введены интонационные тире. Пунктуационные знаки, однако, за редким исключением отсутствуют. Есть даже авторские указания относительно чтения вслух данных текстов. Так, к «Наброскам к поэме „Михаилы“» Хармс сделал следующее примечание: «Поэма 1 Михаил читается скандовочно — нараспев. Второй Михаил выкрикивается. Третий Михаил сильно распадается на слоги, но напева меньше, чем в первом».

На полях стихотворения «Сек», «заумно» рассказывающем о наказании озорника Мишеньки:

дрпб жриб бббу
джинь джень баба
хлесь — хлясь — здброво —
раздай мама!
Вот тебе шишелю! —

помещена ремарка: «качать укоризненно головой». Театральный жест в этом случае дополняет «заумное» слово. Чтение переходит в сценическую игру.

«Взирь Заумь» Хармса — это мозаика говоров. Слышатся в ней детская речь с утрированным, по словам ее исследователя, «фонетическим монизмом»,²⁶ жаргон учеников Петершуле, уличное просторечье (особый тип «взрослой» инфантильности — грубый, насмешливый). В результате «Взирь Заумь» представляет смешение наивного и скабрёзного, детского лепета и грубоватого выкрика.

«Заумное» содержание произведений, представленных Хармсом в Союз поэтов, довольно-таки разнообразно. В стихотворениях «От бабушки до Esther» и «Землю, говорят, изобрели конюхи» описывается не то полет, не то странствие по городу, а возможно, и по земному шару. Реальное смешано со сказочным, история с легендой. Перечисление на одном уровне увиденного и ассоциативного, мелькание признаков предметов, обрывков мыслей при прогулке, поездке, путешествии чрезвычайно характерно для «взирь» Хармса.²⁷

В таких текстах ощущается и футуристический динамизм, и влияние Туфанова с его любовью к фрагментам, стихотворным осколкам как антиподам целому, связанному, логичному.

«Говор», «Кика и Кюка», «Сек» совершенно явно ориентированы на детскую речь. Иногда в этих текстах звучит «фоническая музыка» Туфанова («финть фанть фунть» в «Секе», «ау

²⁶ Об этой особенности детской речи см.: Якубинский Л. Откуда берутся стихи. — Книжный угол, 1919, № 7, с. 23.

²⁷ См. его ранние стихи, опубликованные в сборниках Союза поэтов.

деау деррабара» в «Кйке и Кёке»), но в целом «фонической зауми» в этих текстах немного. Передать содержание этих произведений не представляется возможным: здесь и сценки из детского быта, и фантастические существа из детских игр, окрик и лепет.

«Наброски к поэме „Михаилы“» состоят из трех частей — трех монологов. Автор монологов обращается к просторечью. Особенно интересен ухарский и ернический монолог второго Михаила. Он строится под ритмы «плясули» и рассказывает об ухабистом пути «мужика» — «от иконы в хоровод». Приводим его полностью:

И М и х а и л

ста́нем б́иться
по гуля́не
пред ико́ною ами́нь
рукави́цей на ко́лени
заболéли мужики.
вытирали боро́дою
блю́дца
было боя́зно порою
огляну́ться
над ерёмой становился
каме́нь
я́фер
он кобы́лку сюртука́ми
забо́яферт —
— и куда твою деревню
пока́тило по гурта́м
за ело́вые дере́вья
задевая тут и там!
я держу тебя и холю
не зарежешь так прикинь
чтобы правила косою
возле моста и реки
а когда мостами речка
заколóдила тупы́ш
исусовый предте́ча
окунается туды ж.
ты мужик — тебе похаба
только плюнуть на него
и с ухаба на ухабы
от иконы в хоровод
под плясу́лю ты оборван
ты ерёма и святы́й
заломил в четыре горла
— дребездящую бутылку —
— разве мало!
разве водка!
то посе́я — то пошла!
а сегодня надо вóт как!
до последняго ковша.

В материалах Союза поэтов вместе с двумя тетрадями 1925 г. хранятся еще пять переписанных начисто произведений Хармса, датированных первыми месяцами 1926 г. На полях рукописи пер-

вого текста из этой серии неизвестной рукой написано «Хармс, вторично». Очевидно, комиссия Союза поэтов, прочтя две тетради Хармса, поданных им в октябре 1925 г., отложила вопрос о его принятии. Через несколько месяцев к имевшимся девяти текстам было добавлено еще пять, после чего Хармс был принят в Союз.²⁸

Новые тексты имеют следующие названия: «Полька Затылки (срыв)»²⁹ (датировано 1 января 1926 г.), «Половинки» (без даты), «Вьюшка смерть» (14 января 1926 г.), «Волчица шла дорогою...» (4 февраля 1926 г.), «Ваньки Встаньки» (11 февраля 1926 г.). Первый, четвертый и пятый тексты подписаны «Даниил Хармс», второй и третий — «Даниил Хармс. Школа чинарей Визирь Зауми». «Чипарем» называл себя и А. Введенский. Этот титул, видимо, был придуман Хармсом, который любил менять псевдонимы, составлять недолговременные общества и даже изобретать машины.³⁰ Слово «чинарь» отсылало к разговорной речи и означало, по-видимому, вольного и озорного юнца (жаргонный эквивалент *enfant terrible*). Этим наименованием Хармс подчеркивал свое отличие от «заумника» туфановского толка, хотя близость к поэтике Туфанова сохранялась в текстах Хармса долгие годы. «Чинарями» Хармс и Введенский называли себя до организации Обэру (осенью 1927 г.). Публичные выступления «чинарей» проходили бурно.³¹

В «чинарских» текстах 1926 г., так же как и во «взирь-заумных» текстах 1925 г., почти не встречаются знаки препинания. Точки появляются лишь в случае, если предложение заканчивается в середине стихотворной строки. После точки, за исключением имен собственных, употребляется строчная буква. Начало строки оформляется с маленькой буквы. Пунктуация отсутствует, но акценты встречаются довольно часто, немало интонационных тире, графически выделены строфы («фрагменты», по терминологии Туфанова). Иногда Хармс в интересах ритмической выразительности использует необычные в стихотворной речи обозначения, цифры (см. «Ваньки Встаньки»).³²

²⁸ На упоминавшейся союзной анкете Хармса имеется резолюция: «Принять по протоколу № 11 от 26 III 1926».

²⁹ В книге Туфанова «К Зауми» третий раздел назван «Срывы».

³⁰ О склонности Д. Хармса к изобретениям различного рода свидетельствует его сестра Е. И. Грицына. См. также: Л и ф ш и ц В. Машина. — Вопросы литературы, 1969, № 1, с. 242.

³¹ См.: Иоффе Н., Железнов Л. Дела литературные. (О «чинарях»). — Смена, 1927, № 76, 3 апреля. В этом газетном фельетоне сообщается о выступлении «чинарей» («они еще называют себя „левыми классиками“ и „левым флангом“», — указывали авторы фельетона) на собрании литературного кружка Высших курсов искусствоведения при ГИИИ 28 марта 1927 г. Л. Железнов, не удовлетворившись газетным фельетоном, организовал коллективное письмо в Союз поэтов, написанное столь же критически. Среди материалов Союза поэтов хранится объяснительная записка Хармса и Введенского по поводу письма Л. Железнова и его группы.

³² Числительные Хармс вводил и в детские стихи, например в «Миллион». Возможно, эта практика Хармса позволила сказать Маршаку:

В записной книжке Хармса 1925 г.³³ можно прочесть: «Если от незаумной вещи можно требовать национальность, то от зауми тем более». Это положение было в числе основополагающих в эстетической системе «чинаря» Хармса. В текстах 1926 г. можно установить связи с балагурным гротеском народных потешек и присказок, с эксцентрикой скороговорок. В стихотворении «Вьюшка смерть», посвященном памяти С. Есенина, введены песенные обороты.

В некоторых из этих текстов рельефно проступает и драматургическая основа. В «Ваньках Встаньках» появляются маски действующих лиц, между ними завязываются диалоги. Однако «текучесть»³⁴ (это слово Хармс вслед за Туфановым употреблял при объяснении своей поэтики) художественного строя этого произведения таково, что текст можно рассматривать как стихотворное произведение с появляющимися время от времени диалогами и как драматическую сценку с развернутыми стихотворными ремарками.

В декларации Обэриу бывшие «чинари» решительно заявляли: «Нет школы более враждебной нам, чем заумь. Люди реальные и конкретные до мозга костей, мы — первые враги тех, кто холостит слово и превращает его в бессильного и бессмысленного ублюдка. В своем творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его».³⁵ Эта часть декларации была направлена против языковых экспериментов Туфанова и К. Олимпова (наст. фам. К. К. Фофанов). Из обэриутов ближе всех к ним был Хармс. В своем творчестве 1927—1928 гг. он действительно отошел от «заумничества», но эволюция не была столь бурной, как можно ее представить по декларации. Об этом свидетельствуют стихи Хармса, входящие в собрание ГИИИ (ф. 172, № 377, 990—993).

В этом собрании находятся следующие тексты Хармса (в печати из них опубликованы два): «Искушение» (датировано 18 февраля 1927 г.), «Пожар» (две редакции от 20 февраля 1927 г.), «Выходит Мария, отвесив поклон...» (12 октября

«Числительные замняют иной раз в стихах ту „заумь“, которая составляет существенный элемент детских стихов» (письмо Маршака к М. С. Петровскому от 28 декабря 1963 г., см.: Маршак С. Собр. соч., т. 8, с. 454).

³³ Хранится в частном собрании.

³⁴ В 1930 г. Хармс составил «Одиннадцать утверждений Даниила Ивановича Хармса». Приводим из этой индивидуальной декларации последние утверждения: «IX утверждение. Новая человеческая мысль двинулась и потекла. Она стала текучей. Старая человеческая мысль говорит про новую, что она „тронулась“ <...> X утверждение. Один человек думает логически; много людей думает *текуче*. XI утверждение. Я хоть и один, а думаю *текуче*. Всё» (Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

³⁵ Обэриу. — Афиши Дома печати, 1928, № 2, с. 11.

1927 г.),³⁶ «Стих Петра Яшкина» (без даты),³⁷ «Фокусы» (2 мая 1928 г.). Балаганная театральность, эксцентричная образность, подчеркнутая инфантильность героев — вот общие черты этих текстов Хармса.

Склонность Хармса к театрализации особенно заметна при сличении двух редакций «Пожара». Закончив стихотворение «Пожар» (произведение написано на тему, распространенную в детской литературе, а его герои — папа, Валя, няня — также относятся к кругу частых персонажей детской книги), Хармс в тот же день написал на его основе гротескно-фантастическую сценку. Преобразовывая стихотворение в пьесу, Хармс мало что изменил в нем. Он лишь убрал малопонятные строки о суете няни во время пожара и графически выделил реплики действующих лиц. Затем Хармс ввел нового героя (брандмайора) и усилил гротескную абсурдность ситуации. Приведем из второй редакции строки, описывающие пожар и пожарных:

няня смотрит в колыбель
нет его. глядит в замочек
видит комната пуста
дым клубами в окна ходит
стены тощие как пух
над карнизом пламя вьется
тут же гром и дождик льется³⁸
люди в касках золотых
топорами воздух бьют
и брандмейстер на машине
воду плескает в кувшине
Нянька к ним: вы не видали
Петю мальчика, не дале
как вчера его кормила
Брандмайор: как это мило!
Нянька: Боже мой! но где ж порядок!
где хваленая дисциплина?...

Стихотворной сценкой является и «Искушение».

Сближая свое творчество с авангардистской живописью, «чинари» видели в ней эстетический аналог их установкам на парадокс, эксцентричный абсурд.³⁹ В образах и положениях «Искуше-

---

³⁶ День поэзии. Л., 1965, с. 291—292. Пользуемся случаем, чтобы исправить ошибку, допущенную в первой публикации стихотворения «Выходит Мария, отвесив поклон...». В «Дне поэзии» в 16-й и 29-й (последней) строчках напечатано «бурое небо», но в рукописи Хармса читается «бурное небо». На рукописи «Выходит Мария, отвесив поклон...» рисунок, иллюстрирующий содержание стихотворения. Рисунок подписан «ИБ» — это Игорь Бахтерев.

³⁷ Костер. Л., 1927, с. 101—102.

³⁸ В первой редакции за этой строкой следовала заключительная: «и в груди сжимает дух». После чего шла характерная для Хармса концовка в инфантильном духе: «Всё».

³⁹ Критика находила в поэзии «чинарей»-обэристов «орнаментальные пятна звукового супрематизма» (см.: Толмачев Д. Дадаисты в Ленинграде — Жизнь искусства, 1927, № 44, с. 14).

ния» видна связь с гротесками театральной сцены 20-х годов — в частности, с «Блохой» Е. Замятина (пьесой по мотивам лесковского «Левши»). Динамичные хоровые реплики ее персонажей — «четырёх девиц» войдут позднее в изменённом виде в пьесу «Елизавета Бам»⁴⁰ и в детские стихи поэта. Приведем отрывок из «Искушения»:

полковник перед зеркалом:

усы завейтесь шагом марш!
приникни сабля к моим бокам
ты гребень волос расчеши
а я российский кавалер
не двинусь. лень мне или что
не знаю сам. вертись хохол
спadaй в тарелку борода
уйду чтоб шпорой прозвенеть
и взять чужие города

одна из девиц

полковник вы расстроены?

полковник:

о нет. я плохо выспался.
а вы?

девица:

а я расстроена увы

полковник:

мне жалко вас
но есть надежда
что это все пройдет
я вам советую развлечься.
хотите в лес? там сосны жутки...
пль может в оперу? тогда
я выпишу из Англии кареты
и даже кучера. куплю билеты
и мы поедem на дрезине
смотреть принцессу в апельсинс
я знаю: вы совсем ребенок
бойтесь близости со мной
но я люблю вас...

---

⁴⁰ Одноактная пьеса Хармса «Елизавета Бам» была поставлена обэриутами 24 января 1928 г. на сцене Дома печати. «Драматический сюжет пьесы распатан многими, как бы посторонними темами», — писалось о пьесе в декларации Обэриу (Афиши Дома печати, 1928, № 2, с. 13). Героиню, ни в чем не повинную девочку-подростка Елизавету Бам, преследуют две комичные и в то же время злоеущие фигуры, которые обвиняют ее в страшном уголовном преступлении, — таков сюжет обэриутской пьесы. Он осложнен интермедиями, не относящимися к сюжету эпизодами. Если рассматривать «Елизавету Бам» именно со стороны «посторонних тем», то она предстанет своеобразным справочником по обэриутской поэтике. Хармс продемонстрировал в пьесе, написанной стихами и прозой, образцы «взирь-заумной» и «чинарской» поэзии. Машинописный текст пьесы с правкой и режиссерскими замечаниями Хармса находится у Н. И. Харджиева.

девица:
прочь нахал!

полковник ручкой помахал
и вышел зубом скрежеща
как дым выходит из прыща

девица:
подруги где вы?! где вы?!

— пришли четыре девы
сказали: ты звала?

девица (*в сторону*):

я зла!

четыре девицы на подоконнике:

ты не хочешь нас Елена
мы уйдем. прощай сестра
как смешно твое колено
ножка белая востра...

Творчество Хармса 30-х годов представлено в Рукописном отделе Пушкинского Дома автографами произведений для детей. Это стихи и проза: детские песенки, сказки, очерки, шуточные объявления в стихах о подписке на детские журналы «Еж» и «Чиж», рассказы о забавных приключениях постоянных героев журнала «Чиж» — профессора Трубочкина, Карла Ивановича Шустерлинга, Умной Маши; здесь же и начала произведений, так и оставшихся неоконченными.

Большая часть автографов детских произведений Хармса, хранящихся в ИРЛИ, опубликована при жизни писателя. Среди них такие широко известные произведения, как «Бегал Петька по дороге...» («Игра»), «Из дома вышел человек...», «Плих и Плюх», вольный перевод с немецкого стихотворной повести В. Буша.⁴¹ Легко уловить в них ритмы ранних стихотворений Хармса. Находятся здесь и рукописи небольших произведений Хармса, печатавшихся в детских журналах без авторской подписи. В каждом номере журнала «Чиж» появлялись неподписанные крохотные рассказы, двустихия, развернутые тексты к рисункам и другие малые жанры, без которых не обходятся обычно журналы для детей младшего возраста. Авторство подобных литературных мелочей (часто высокого профессионального уровня) установить почти невозможно, не располагая документальными доказательствами. В Рукописном отделе хранится несколько автографов, удостоверяющих авторство Хармса — мастера малой литературной

---

⁴¹ Впервые стихотворную повесть В. Буша «Плих и Плюх» на русский язык перевел К. Н. Льдов (Веселые рассказы про шутки и проказы В. Буша. Текст К. Н. Льдова. СПб., 1890). В вольном переводе Хармса отсутствует пятая глава, изменено содержание седьмой.

формы: «Жила-была собака...» (Чиж, 1935, № 10), «Что это значит?» (там же, № 12), «Как Володя быстро под гору летел...» (там же, 1936, № 12) и др.

Рукописная редакция Хармса, как правило, причудливее, необычнее опубликованной. Окончательный текст, судя по сохранившимся рукописям, образовывался в процессе обуздания писательского воображения, в процессе нахождения реальных мотивировок того, что в рукописи выглядит как необъяснимо странное или чудесное.

Интересны рукописные материалы, свидетельствующие о том, что известная «Сказка» Хармса, впервые появившаяся в «Чиж» (1935, № 7), родилась из неопубликованного рассказа. Здесь появляется будущая героиня «Сказки», проказливая выдумщица Леночка. Здесь найден и ритм повествования, в котором быстро нарастают неожиданные события. Приведем этот текст.

«— Вот, Леночка, — сказала тетя, — я уйду, а ты оставайся дома и будь умницей: не таскай кошку за хвост, не насыпай в столовые часы манной крупы, не качайся на лампе и не пей химических чернил. Хорошо?»

— Хорошо, — сказала Леночка, беря в руки большие ножницы.

— Ну вот, — сказала тетя, — я приду часа через два и принесу тебе мятных конфет. Хочешь мятных конфет?

— Хочу, — сказала Леночка, держа в одной руке большие ножницы, а в другую руку беря со стола салфетку.

— Ну до свиданья, Леночка, — сказала тетя и ушла.

— До свиданья! До свиданья! — запела Леночка, рассматривая салфетку. Тетя уже ушла, а Леночка все продолжала петь.

— До свиданья! До свиданья! — пела Леночка. — До свиданья, тетя! А салфетка-то четырехугольная! До свиданья! До свиданья! До свиданья, четырехугольная салфетка!

С этими словами Леночка заработала ножницами.

— А теперь, а теперь, — запела Леночка, — салфетка-то стала круглой! А теперь — полукруглой! А теперь стала маленькой! Была одна салфетка, а теперь стало много маленьких салфеток!

Леночка посмотрела на скатерть.

— Вот и скатерть тоже одна! — запела Леночка. — А вот сейчас их будет две! Теперь стало две скатерти! А теперь три! Одна большая и две поменьше! А вот стол всего один!

Леночка сбегала на кухню и принесла топор.

— Сейчас из одного стола мы сделаем два! — запела Леночка и ударила топором по столу. Но сколько Леночка ни трудилась, ей удалось только отколоть от стола несколько щепок».

В 1933 г. в «Чиж» (№ 7, 8, 11, 12) печатались рассказы о профессоре Трубочкине. То была своеобразная игра редакции журнала со своими читателями. Всезнающий профессор Трубоч-

кин выдавался редакцией за реальное лицо. В 7-м номере была даже опубликована «фотография» профессора. Любознательным читателям предлагалось задавать Трубочкину свои бесчисленные детские «почему?» через почтовый ящик журнала. О профессоре Трубочкине вел репортаж писатель Колпаков (один из псевдонимов Хармса). Объем имеющихся в Рукописном отделе текстов Хармса о профессоре Трубочкине (38 л.) намного больше опубликованного. Хармсом были сочинены стихи «Профессор Трубочкин и ребята», так и оставшиеся в рукописи, возможно потому, что Трубочкин выглядел здесь слишком невероятным чудачком и фантазером. В печать не попали также эпизоды, посвященные поискам Трубочкина писателем Колпаковым. В рукописной редакции первого рассказа о Трубочкине (как и в стихотворении) профессор наделен чертами чудачковатого волшебника. В печатной редакции такой образ профессора оказывается маской, разыгрываемой со стороны озорника Феди Кочкина. Настоящий профессор Трубочкин, который появляется в 12-м номере «Чижа», энергичен и деловит, но этот образ отсутствует в сохранившихся рукописях Хармса.

К «полуопубликованным» материалам можно отнести также рукопись биографического очерка о детских годах А. С. Пушкина, который Хармс писал в декабре 1936 г. Очерк — отклик на столетие со дня смерти поэта, торжественно отмечавшееся в нашей стране в 1937 г. Второй номер «Чижа» за 1937 г. наполовину состоял из пушкинских материалов. Среди них помещен и редакционный (неподписанный) очерк о детских и лицейских годах Пушкина, обращенный к маленькому читателю. Теперь, ссылаясь на сохранившиеся рукописи Хармса, можно сказать, что он был одним из авторов журнального очерка о Пушкине.

Обращение Хармса к Пушкину не являлось случайным. Даже во времена «Взирь Зауми» и «чинарства» поэт не занимался ниспровержением литературы прошлого. Пушкина он любил всегда. Маршак, хорошо знавший Хармса, говорил о нем как о поэте «с абсолютным вкусом и слухом и с какой-то — может быть, подсознательной — классической основой».⁴²

Помимо «классической основы», побудившей Хармса принять редакционное задание, было, возможно, и обстоятельство личного характера. В Пушкине Хармс видел великого человека, властелина слова, а значит, и своего рода чародея, мага. Люди необычайной духовной силы, чудодеев всегда были любимыми героями Хармса.

Работа над популярным очерком о Пушкине шла нелегко. Хармс хотел не только рассказать маленьким читателям о детстве великого поэта, но и дать им представление о писательском труде. Очерк имел несколько редакций. Одна из них написана в виде

---

⁴² Маршак С. Собр. соч., т. 8. М., 1972, с. 509.

беседы с племянником, другая походит на торжественную речь о поэте. Третья приближена к биографическому рассказу.⁴³

Из неопубликованных произведений для детей только пемпне закончены. Это довольно большая для Хармса сказка «Заяц и Еж», стихи «Мы забрались в траву и оттуда кричим...», «Лыжная прогулка в лес» и др. В этих произведениях особенно заметно, как «детское» в творчестве Хармса встречается со «взрослым». Сюжет и даже отдельные строчки стихотворения «Мы забрались в траву и оттуда кричим...» очень близки стихотворению «Выходит Мария, отвесив поклон...». В стихотворении «Лыжная прогулка в лес», датированном 4 декабря 1931 г. и подписанном псевдонимом — Даниэль Хаармсь, употребляются, как и в произведениях «для взрослых» того же времени (конец 1931 г.), забытые «яти» и «еры».

Неоконченные произведения Хармса различны как по объему (от нескольких строчек до двух-трех листов), так и по тематике. Первые главки рассказа «Было лето. Светило солнце...» напоминают парадоксальную фантастику Л. Керролла, творчество которого Хармс знал и любил. Отрывок «Купил я как-то карандаш...» принадлежит к «страшным» историям. Причудливое и яркое воображение Хармса проявляется везде, даже в отрывках и только пачатых вещах.

---

⁴³ Возможно, что «Анекдоты из жизни Пушкина» (Литературная газета, 1967, № 47, 22 ноября) были написаны Хармсом в то же время, что и очерк для «Чижа». Только очерк писался всерьез и на исторической основе, а в «Анекдотах» пародировалась серия нелепых обывательских рассказов о Пушкине.